

О. М. ЛЕРНЕРЪ.

ЕВРЕИ

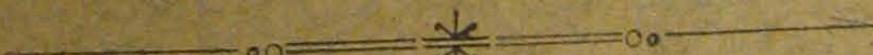
въ

НОВОРОССІЙСКОМЪ КРАѢ.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

По даннымъ изъ архива бывшаго Новороссійскаго генералъ-губернатора.

ODESSA.

Типографія Г. М. Левинсона, Ришельевская 19.
1901.

LIBRARY
UNIVERSITY

О. М. ЛЕРНЕРЪ.

ЕВРЕИ

въ

НОВОРОССІЙСКОМЪ КРАѢ.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

По даннымъ изъ архива бывшаго Новороссій-
скаго генералъ-губернатора.

ОДЕССА.

Типографія Г. М. Левинсона, Ришельевская 19.
1901.

ДРУЗЬЯМ

МЕДАЛІ

ДАНІ ГІЛЬДІАДІ

Дозволено цензурою. Одесса, 6 Іюля 1901 года.

ІСТОРИЧЕСКИЙ АЛМАЗ

Дозволено цензурою. Одесса, 6 Іюля 1901 года.

Къ читателю.

Предлагая настоящіе очерки вниманію читающей публики, мы полагаемъ, что трудъ нашъ долженъ въ одинаковой степени заинтересовать какъ евреевъ, которымъ, конечно, ближе всего все, что такъ или иначе относится къ ихъ прошлому, такъ и истинно русскихъ людей, сознающихъ всю важность правильнаго разрѣшенія еврейскаго вопроса для нашей государственной жизни и относящихся безъ предубѣжденія ко всѣмъ своимъ согражданамъ, считающимъ необъятную Русь своимъ отечествомъ.

Въ очеркахъ нашихъ, основанныхъ на официальныхъ данныхъ, добытыхъ изъ архива бывшаго Новороссійскаго генералъ-губернатора, вѣрно отражается бытъ еврейскаго населенія въ Россіи и, главное, рельефно выступаютъ заботы правительства о поднятіи его умственно-духовнаго уровня. Особый интересъ представляютъ страницы, посвященные незабвенной „уваровской эпохѣ“, когда не только министерство народнаго просвѣщенія, но и всѣ высшія государственные учрежденія направляли свои усилия къ тому, чтобы сдѣлать евреевъ, ни въ малѣйшемъ не посягая на ихъ самобытность и національную физіономію, культурными людьми и полезными русскими гражданами.

данами. Много утѣшительнаго найти въ этихъ страницахъ не только еврею, которому въ послѣдніе годы все труднѣе становится ориентироваться среди массы разнообразныхъ теченій, вносящихъ смуту въ его взгляды на настоящее и будущее своего народа, но и каждый беспристрастный читатель, ставящій благо родины—въ самомъ широкомъ значеніи этого понятія—выше всякихъ узкихъ партійныхъ интересовъ. И дѣйствительно, подробное ознакомленіе съ задачами правительства и его мѣропріятіями, имѣвшими цѣлью своей разрушеніе еврейской замкнутости и обособленности, заставляетъ вѣрить, что рано или поздно будетъ признано необходимымъ продолжать начатую борьбу при помощи единственного вѣрнаго и испытаннаго средства—усиленія просвѣтительныхъ элементовъ среди евреевъ. Правда, много грустнаго и безотраднаго встрѣчается среди собранныхъ нами данныхъ, но сопоставленіе печальныхъ и неудачныхъ опытовъ, давно отошедшихъ въ область забвенія, съ благопріятными результатами, достигнутыми въ послѣднее время, не оставляетъ сомнѣнія на счетъ успешнаго исхода борьбы свѣта съ тьмою,—борьбы, для которой само еврейство выдвигаетъ теперь не мало энергичныхъ и достойныхъ борцовъ. Съ этой точки зрѣнія сами „картины прошлаго“ въ точномъ и объективномъ историческомъ воспроизведеніи теряютъ отчасти свой неприглядный характеръ, напоминая только читателю, что весь смыслъ исторіи заключается именно въ томъ, чтобы „все понять и все простить“.

Одесса.

О. М. ЛЕРНЕРЪ.

Одесское еврейское училище.

Открывая настоящими строками рядъ очерковъ, заключающихъ въ себѣ довольно цѣнныя материаы для исторіи евреевъ, поселившихся въ Новороссійскомъ краѣ, и составленныхъ нами на основаніи документальныхъ данныхъ, хранящихся въ архивѣ канцеляріи упраздненнаго Новороссійскаго и Бессарабскаго генераль-губернаторства, мы рѣшились держаться хронологической послѣдовательности и, поэтому, отводимъ первое мѣсто относящемуся къ 1826 году дѣлу объ учрежденіи въ Одессѣ еврейского училища,—учебнаго заведенія особаго типа, вызваннаго въ жизни маленькой горстю выдававшихся среди первыхъ одесскихъ евреевъ пionеровъ европейскаго образованія и сыгравшаго весьма видную роль въ просвѣтительной дѣятельности этого города.

Едва прошло четверть вѣка съ того времени, когда Одесса изъ пустынной турецкой деревушки успѣла превратиться въ кипучій и многообѣщающій торговый центръ, какъ среди ея мало-численнаго еврейскаго населенія, большинство котораго составляли тогда австрійскіе выходцы, появилось сознаніе о необходимости учрежденія специальной школы для воспитанія еврейскаго юношества. И вотъ 13 октября 1826 года на имя исправлявшаго должность Новороссійскаго генераль-губернатора и полномочнаго намѣстника Бессарабской области графа Федора Петровича Палена поступило витіевато написанное прошеніе четырехъ евреевъ, Якова Натаанзона, Леона Ландау, Г. Герценштейна и Іос. Швѣфельберга, которые, указывая на то, что они являются исполнителями желанія членовъ „общества“, и упоминая объ утвержден-

номъ 6 декабря 1804 года Положеніи о евреяхъ, какъ о „человѣколюбивомъ“ законодательномъ актѣ, въ которомъ Императоръ Александръ I, „стараясь о благѣ всѣхъ народовъ, распространѣлъ попеченія свои и на евреевъ, и мудрость его познала вскорѣ, что первое вѣрнѣйшее средство улучшить нравы народа есть посвятить стараніе новому поколѣнію, котораго мягкія сердца отворены ко всяkimъ впечатлѣніямъ“, просить открыть въ Одессѣ училище „на изживеніи кагальномъ“. При этомъ прошеніи были также приложены: составленный на древне-еврейскомъ языкѣ приговоръ 66 евреевъ изъ жителей Одессы и планъ предполагаемой школы. „На сей конецъ—говорится въ упомянутомъ приговорѣ—признаемъ мы за благо издержки, нужная на учрежденіе и содержаніе сказанного училища, употребить изъ кассы нашего общества, какъ на дѣло великой и всеобщей пользы, еслиже бы она была недостаточна на таковыѣ чрезвычайные расходы, то мы охотно соглашаемся, чтобы цѣна на говядину нашу была возвышена двумя копейками съ ока, лишь бы только съ помощью Всемогущаго сподобились мы узрѣть событія сего предмета усерднѣйшихъ нашихъ пожеланій къ пользѣ своей и дѣтей нашихъ изъ рода въ родѣ“. Въ программу училища, въ которомъ на первыхъ порахъ должны были существовать только четыре класса, были включены, какъ обязательные предметы, сверхъ священнаго писанія, еврейскаго языка и грамматики его, талмуда, ариѳметики и чистописанія, языки русскій и нѣмецкій, изъ коихъ, по характерному выраженію составителей плана, первый „достоинъ особаго вниманія, какъ языкъ отечественный“, а второй „важенъ потому, что жидовскій діалектъ есть не иное что, какъ испорченный нѣмецкій“. Во главѣ училища долженъ быть находиться особый директоръ, который вмѣстѣ съ избранными обществомъ попечителями составляли школьнную комиссию, вѣдавшую не только всю хозяйственную часть, но составлявшую нѣчто въ родѣ экзаменационнаго ареопага для испытанія принимаемыхъ на службу учителей. Кромѣ того, для фактическаго надзора за „порядкомъ“

школы, преподаваніемъ уроковъ и поведеніемъ воспитанниковъ“
долженъ быть функционировать особый штатъ инспекторовъ съ
обязанностью чередоваться между собою каждый мѣсяцъ и пред-
ставлять школьнай комиссіи подробные отчеты о своей дѣятель-
ности.

Графъ Паленъ отнесся съ полнымъ сочувствіемъ къ хода-
тайству евреевъ и уже на третій день, 15 октября, отправилъ
письмо тогдашнему министру народнаго просвѣщенія А. С. Шиш-
кову, доводя до свѣдѣнія послѣдняго о данномъ имъ разрѣшеніи
на открытие еврейскаго училища и выражая свое особое удоволь-
ствіе по поводу такого отраднаго движенія среди евреевъ въ
пользу образованія и правильнаго воспитанія дѣтей. Въ то же
время графъ увѣдомилъ исправлявшаго должность одесскаго гра-
даначальника д. с. с. Могилевскаго о томъ, что, разсмотрѣвъ
общественный приговоръ и планъ предполагаемаго училища, „на-
шелъ, что таковое совершенно согласно съ видами правительства“
и предложилъ ему: „1) предписать здѣшнему кагалу, чтобы онъ
объявилъ всѣмъ пребывающимъ здѣсь евреямъ, что начальство
не только соглашается на учрежденіе здѣсь училища для ихъ
дѣтей, но всѣми законными мѣрами будетъ покровительствовать
оное; 2) объявить тому же кагалу, чтобы онъ допустилъ евре-
евъ, подписавшихъ помянутый приговоръ, къ выбору изъ среды
себя директоровъ и инспекторовъ училища и представилъ объ-
ныхъ на мое утвержденіе; 3) когда директоръ и кассиръ бу-
дутъ избраны и мною утверждены, тогда разрѣшить кагалу от-
пустить имъ 5000 рублей, просимые ими на ежегодное содержа-
ніе того училища“.

Съ какой энѣргіей и быстротой дѣйствовали инициаторы учи-
лища, пользовавшіеся сочувствіемъ и поддержкой со стороны выс-
шей администраціи края,—объ этомъ легко судить по тому, что
15 октября послѣдовало только распоряженіе графа Палена о
производствѣ выборовъ должностныхъ лицъ для завѣдыванія школьн-
ымъ дѣломъ, а черезъ шесть дней выборы эти уже состоялись.

Избранными оказались, кромъ лицъ, подписавшихъ первоначальное прошеніе на имя графа Палена, д-ръ Розенблюмъ, Давидъ Фридманъ, Беръ Берштейнъ и Соломонъ Гуровичъ.

Въ какой день собственно послѣдовало открытие училища—изъ дѣла не видно, но надо полагать, что очень скоро. Это подтверждается тѣмъ, что когда министерство народнаго просвѣщенія изъявило съ своей стороны согласіе на существованіе училища, но вмѣстѣ съ тѣмъ обратилось къ графу Палену съ запросомъ относительно программы заведенія, названія учебниковъ, а также указанія ценза и званія допущенныхъ къ занятіямъ учителей, то въ отвѣтѣ своемъ, составленномъ 31 декабря 1826 г., генераль-губернаторъ даетъ обстоятельное описаніе училища, очевидно, функционировавшаго уже нѣкоторое время и давшаго своимъ руководителямъ возможность представить начальству опредѣленныя свѣдѣнія. Изъ этого пространнаго отвѣта видно, что учителей на первый разъ положено шесть и сверхъ того одинъ помощникъ для приготовительнаго класса. Директоромъ заведенія состоялъ еврей—иностранецъ Зиттенфельдъ, выдержавшій надлежащій экзаменъ въ лицѣ. Среди учителей былъ только одинъ христіанинъ—русско-подданный Шостакъ, преподававшій русскій языкъ; всѣ же остальные учителя были австрійскіе евреи, изъ которыхъ лишь нѣкоторые имѣли аттестаты реального училища. Всѣ учебники были на нѣмецкомъ языкѣ, не исключая даже и русской исторіи, которая преподавалась по Карамзину въ сокращенномъ переводѣ Г. Таппе. „Въ заключеніе сихъ свѣдѣній,—заканчиваетъ графъ Паленъ свое посланіе,—я долгомъ поставленъ покорнѣйше просить Ваше Высокопревосходительство о снисхожденіи къ тѣмъ статьямъ, кои въ одесскомъ єврейскомъ училищѣ не сходны съ общепринятыми въ Россіи правилами. Училище сіе есть заведеніе совершенно новое въ своемъ родѣ и открытие онаго сопряжено было съ большими затрудненіями. Если оно будетъ продолжаться, то нѣть сомнѣнія, что принесетъ большую пользу. Если же подвергнуть оное всѣмъ безъ исключенія правиламъ и формамъ, при-

нятымъ для русскихъ училищъ, и особенно въ отношеніи къ экзаменамъ учителей, то оно разрушится. Суевѣрные евреи и теперь стараются объ уничтоженіи онаго, боясь всякаго просвѣщенія“.

Указанія графа Палена на „старанія суевѣрныхъ евреевъ“ и на „большія затрудненія“, съ которыми сопряжено было открытие училища, находятъ себѣ подтвержденіе въ слѣдующемъ довольно любопытномъ фактѣ. Дѣло въ томъ, что въ средѣ самой еврейской общины на первыхъ же порахъ возникъ расколъ, и подавляющее большинство враговъ свѣта и прогресса старалось всячески противодѣйствовать новаторской затѣѣ сторонниковъ образованія. Характерно то, что даже среди 66 лицъ, подписавшихъ первоначальный приговоръ объ учрежденіи училища, нашелся одинъ (Шлѣма Розенталь), добавившій къ своей еврейской подписи лаконическое требованіе, чтобы проектируемое заведеніе находилось исключительно подъ наблюденіемъ духовнаго раввина. Требованіе это, идущее въ разрѣзъ со всѣми детальными предначертаніями инициаторовъ дѣла, было изложено на древне-еврейскомъ языкѣ, вслѣдствіе чего столь рѣзкій диссонансъ, съ которымъ скоро пришлось считаться, остался незамѣченнымъ высшей администрацией. Вотъ почему графъ Паленъ былъ чрезвычайно пораженъ, когда, 26 октября 1826 года, въ самый разгаръ подготовительныхъ дѣйствій по открытію училища и обезпеченію его существованія, на его имя поступило прошеніе отъ „одесского еврейскаго общества“, въ которомъ говорится слѣдующее: „отъ еврейскаго кагала объявлено обществу нашему повелѣніе о предполагаемомъ учрежденіи въ Одессѣ на счетъ общественной кассы училища для изученія еврейскаго языка, правилъ нашей религіи и преподаванія языковъ русскаго и нѣмецкаго. Узнавъ изъ сего предписанія, что поводомъ сему былъ приговоръ и прошеніе, поданное вашему сиятельству отъ 66 человѣкъ извѣстнѣйшихъ здѣшнихъ евреевъ, и будучи извѣстны, что изъ числа подписанныхъ на томъ приговорѣ нѣкоторые евреи явно нарушаютъ правила

религії, черезъ что, опасаясь ввѣрить руководству ихъ юношество, принимаемъ смѣлость изложить на благоуваженіе вашего сіятельства слѣдующее: 1) для изученія еврейскаго языка и правилъ религії общество наше имѣеть здѣсь достаточно училищъ, сверхъ коихъ учрежденіе новаго для сего самаго предмета послужить однимъ напраснымъ умноженіемъ расходовъ. 2) Въ существующихъ теперь еврейскихъ училищахъ недостаетъ одного преподаванія русскаго и нѣмецкаго языковъ, но для сего имѣютъ многіе изъ гражданъ на свой счетъ домашнихъ учителей и есть въ Одессѣ виѣшній лицей, открытый для всѣхъ, гдѣ безъ особыхъ издержекъ, всегда служащихъ обремененіемъ для народа, представлено обучаться и еврейскимъ дѣтямъ; слѣдовательно въ учрежденіи нарочно для сего другого училища не предстоить никакой надобности“. Указывая затѣмъ на скудныя средства общественной кассы и, главное, на то, „что земскій савраньскій и одесскій раввины, предварительно разматривавши правила предположенного училища, признали оныя несогласными правиламъ нашей религії“, петиціонеры просили о пріостановленіи учрежденія училища въ интересахъ предохраненія юношества „отъ иноземнаго воспитанія и измѣненія обрядовъ религії“. Петиція эта, покрытая сотнями подписей, вызвала справедливое негодованіе гр. Палена, черезъ два уже дня обратившагося къ „обществу живущихъ въ Одессѣ евреевъ“ съ энергическимъ извѣщеніемъ слѣдующаго содержанія: „13 числа текущаго мѣсяца извѣстнѣйше изъ среды вашего общества 66 человѣкъ подали мнѣ при прошении своею приговоръ объ учрежденіи здѣсь на общественный рашъ счетъ училища, въ которомъ дѣти ваши обучались бы, сверхъ еврейскаго языка и правилъ вашей религії, языкамъ русскому и нѣмецкому. Намѣреніе сіе не только похвально и согласно съ видами правительства, но составляеть исполненіе Высочайшей воли, ясно изложенной 9 декабря 1804 года въ Положеніи о евреяхъ и въ другихъ узаконеніяхъ. По силѣ сихъ узаконеній начальство могло бы понудить васъ къ учрежденію школъ“.

и даже налагать на васъ для сего предмета новыя подати. Здѣсь васъ къ тому не принуждали и никакимъ новымъ налогомъ не отягощаютъ. Вамъ дано позволеніе исполнить то, о чёмъ извѣстнѣйшіе изъ васъ просили. Послѣ сего я, къ удивленію моему, получилъ новое отъ имени вашего же общества прошеніе, подписанное многими неизвѣстными мнѣ людьми такимъ образомъ, что иные писали не только свое имя, но и нѣсколько другихъ имень одной рукою. Въ прошениіи семъ помѣщены разныя оскорбительныя выраженія на счетъ евреевъ, подписавшихъ приговоръ объ учрежденіи училища, и даже сказано будто-бы таковое учрежденіе найдено раввинами вреднымъ. Все сіе показываетъ, что среди васъ есть нѣсколько неблагонамѣренныхъ людей, коп не только отвращаютъ другихъ отъ общественныхъ предпріятій и беспокоятъ начальство пустыми просьбами, но даже осмѣливаются идти противъ Высочайшей воли самого Государя Императора. Стараясь по долгу званія на сколько возможно о благахъ всѣхъ жителей края здѣшняго, я приглашаю почетнѣйшихъ изъ васъ внушиТЬ неблагонамѣренныМЪ собратьямъ вашимъ, чтобы они, оставивъ всѣ личности и споры, поспѣшили соединиться всѣ вмѣстѣ для исполненія такого предпріятія, которое ничего кромѣ пользы обѣщать вамъ не можетъ. Оно нисколько не касается до правильной религіи вашей и не можетъ колебать оной. Доказательствомъ тому служить, что начальство предоставляетъ вамъ полную свободу избирать въ помянутое училище какъ попечителей, такъ директора и учителей. Въ заключеніе долженъ напомнить, что нарушители общаго спокойствія, по узаконеніямъ нашимъ, подвергаются строжайшему наказанію“.

Извѣщеніе это имѣло своимъ результатомъ то, что прекратились всякия попытки обскурантовъ въ смыслѣ вооруженія начальства противъ задачи училища, которое въ ноябрѣ было уже открыто, такъ какъ донесеніе градоначальника отъ 10 ноября 1826 года свидѣтельствуетъ объ отпускѣ кагаломъ въ распоряженіе инспекторовъ 5000 р. Но за то внутреннее броженіе да-

леко не улеглось. Броженіе это характеризуется слѣдующимъ рапортомъ градоначальника на имя гр. Палена отъ 19 ноября:
„Здѣшній еврейскій кагаль—пишетъ д. с. с. Могилевскій—вoshelъ съ донесеніемъ въ одесскую градскую полицію, что одес-
скій мѣщанинъ Мордко Фельдманъ въ многолюдномъ еврейскомъ
собраніи произнесъ на счетъ учрежденного въ Одессѣ, по распо-
ряженію начальства, еврейского училища неблаговидныя слова,
относящіяся укоризною на счетъ правительства и къ обидѣ еврей-
скаго общества, и просилъ поступить съ нимъ за то по законамъ.
Вслѣдствіе чего, когда полиція потребовала отъ Фельдмана пока-
занія, то онъ въ дачѣ такового оказалъ упорство съ произноше-
ніемъ въ присутствіи оной неприличныхъ и дерзкихъ словъ съ нѣко-
торымъ шумомъ и азартомъ, за что оной полиціей задержанъ подъ
надзоромъ, но по представленіи поручительства 11 числа теку-
щаго ноября освобожденъ. Еврейское общество, почитая для себя
весъма оскорбительнымъ поступокъ Фельдмана, и просить въ при-
мѣръ другимъ предать его законному сужденію. Получивъ о семъ
отъ градской полиціи донесеніе и принимая въ соображеніе лич-
ное завѣреніе г. полиціймейстера, что еврей Фельдманъ за опи-
санный выше его поступокъ находился подъ надзоромъ оной по-
лиціи по приказанію Вашего Сіятельства, я по уваженію сemu, не
приступая къ удовлетворенію настоящаго домогательства еврей-
скаго общества, честь имѣю покорнѣйше испрашивать Вашего Сія-
тельства разрѣшенія: довольноствоваться-ли въ семъ случаѣ сдѣлан-
нымъ уже полиціей Фельдману арестомъ, или-же нужно будетъ
произвестъ о семъ происшествіи формальнымъ порядкомъ слѣд-
ствіе и виновнаго передать суду городового магистрата“. По по-
воду этого рапорта послѣдовало 1 декабря распоряженіе гр. Па-
лена о начатіи слѣдствія и препровожденіи затѣмъ производства
куда слѣдуетъ на заключеніе.

Этими документами исчерпываются всѣ свѣдѣнія о противо-
дѣйствіи открытію училища, которому на первый годъ было ас-
сигновано кагаломъ 9000 р. на покрытие бюджета его въ 7600 р.

Число учениковъ сразу возросло до 208, и уже 19 апрѣля 1827 года министръ народнаго просвѣщенія А. С. Шишковъ сообщаетъ гр. Палену, что еврейскій комитетъ, считавшійся тогда высшимъ правительственнымъ органомъ для вѣдѣнія дѣлъ евреевъ, признаетъ нужнымъ также съ своей стороны поддерживать одесское еврейское училище, какъ „первое полезное заведеніе сего рода въ Россіи, могущее служить примѣромъ для прочихъ евреевъ“, и полагаетъ, чтобы оно было поручено исключительному наблюденію и попеченію мѣстнаго гражданскаго начальства.

Въ 1827 году расходъ училища, въ виду наплыва учениковъ и увеличенія штата преподавателей, выразился уже въ суммѣ 13,500 р. Лица, стоявшія во главѣ этого заведенія, пришли, по этому, къ заключенію о необходимости пріобрѣсть для него собственный домъ. Дорожившій процвѣтаніемъ училища гр. Паленъ призналъ цѣлесообразнымъ установить налогъ на кошерную говядину, и такимъ образомъ въ Одессѣ впервые былъ введенъ коробочный сборъ, взиманіе котораго во всѣхъ другихъ городахъ урегулировано законодательнымъ порядкомъ лишь въ 1844 году. Кромѣ того гр. Паленъ вошелъ съ представленіемъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ обѣ отпускъ училищу изъ городскихъ доходовъ 10,000 р. на постройку или покупку дома, но ходатайство это успѣха не имѣло.

Съ неменьшимъ, конечно, вниманіемъ и заботливостью, относился къ нуждамъ училища вступившій въ 1828 году въ управление краемъ графъ М. С. Воронцовъ, утвердившій, въ виду послѣдовавшей смерти первого директора училища Зиттенфельда, въ этой должности ученаго еврея изъ австрійскихъ выходцевъ Базиліуса Штерна и разрѣшившій членамъ школьнай комиссіи, согласно ихъ ходатайству, активно участвовать и наблюдать за сдачею съ торговъ откупа кошернаго мяса съ цѣлью обезпеченія той суммы, которая была съ 1831 года увеличена до 15.000 руб. и служила единственнымъ источникомъ для существованія училища. Такое участіе членовъ школьнай комиссіи въ торгахъ

было вызвано новыми происками евреевъ - фанатиковъ, обратившихся къ гр. Воронцову съ ходатайствомъ объ уменьшениі суммы, отпускаемой на училище, до 8000 руб. и о возложеніи обязанности по доставленію недостающихъ средствъ на родителей учениковъ. По поводу этого прошенія было, по порученію гр. Воронцова, произведено особое разслѣданіе гвардіи ротмистра Врангелемъ, подробная записка котораго представляетъ собою восторженную апологію въ пользу училища и бросаетъ яркій свѣтъ на истинныя побужденія сторонниковъ мракобѣсія, вздумавшихъ, подъ видомъ радѣнія объ общемъ благѣ, подорвать существованіе ненавистнаго имъ учрежденія.

Слѣдуетъ замѣтить, что еврейскимъ училищемъ не переставали интересоваться и временные замѣстители гр. Воронцова, какъ гр. Паленъ, еще ранѣе, какъ известно, много сдѣлавшій для обеспеченія процвѣтанія этого учебнаго заведенія, и генераль-лейтенантъ А. И. Красовскій, по инициативѣ котораго почетные члены еврейской общины собрали между собою по подпискѣ 8210 р., какъ первоначальный фондъ для постройки собственнаго училищнаго зданія, при чёмъ составъ школьнай комиссіи былъ увеличенъ еще однимъ попечителемъ, не по выбору, а по назначенію генераль-губернатора, „для соблюденія должнаго порядка, чистоты и опрятности“. Такимъ попечителемъ состоялъ въ 1831 году штабсъ-капитанъ Холодовичъ. 14 апрѣля 1831 года къ гр. Палену поступила жалоба попечителей училища на дѣйствія повѣренныхъ по рекрутскому набору, которые позволяли себѣ, не смотря на установленное закономъ изъятіе для воспитанниковъ учебныхъ заведеній, „схватить одинъ за другимъ нѣсколько изъ учениковъ училища, даже малолѣтнихъ, обременять цѣпями и лишь только послѣ продолжительной съ начальствомъ переписки освобождать ихъ изъ подъ своей стражи“. Изъ объясненія, представленного по этому поводу 2-го мая 1831 г. и. д. предводителя дворянства Степановымъ, въ качествѣ предсѣдателя рекрутскаго присутствія, видно, что недоразумѣніе произошло вслѣдствіе того, что ученики

удостовѣряли свое нахожденіе въ еврейскомъ училищѣ свидѣтельствами, подпісанными одними лишь попечителями и несоответствовавшими указанному въ рекрутскомъ уставѣ порядку.

На сколько гр. Паленъ стремился къ поддержанію еврейскаго училища и увеличенію числа его учениковъ—видно изъ предложенія его на имя градоначальника отъ 27 мая 1831 года.
„Два мальчика—говорится въ упомянутомъ предложеніи—изъ евреевъ австрійско-подданныхъ, Гинсберъ и Левенсонъ, изъявили мнѣ, что они прибыли сюда единственно изъ желанія образовать себя въ здѣшнемъ еврейскомъ училищѣ, но местное начальство не дозволяетъ имъ оставаться въ Одессѣ, подводя ихъ подъ общее правило о австрійскихъ евреяхъ. Принимая въ уваженіе, что дѣти сіи прибыли въ Одессу только на время и съ цѣлью полезною, по окончаніи же курса наукъ въ здѣшнемъ училищѣ должны будутъ обратиться во свояси,—я покорно прошу ваше превосходительство приказать о дозволеніи имъ оставаться здѣсь до окончанія курса наукъ въ помянутомъ училищѣ. Симъ снисхожденіемъ это полезнѣйшее заведеніе еще болѣе выиграетъ въ глазахъ евреевъ, и здѣшнихъ и иногороднихъ, представляя имъ примѣръ, что правильное и надежное образованіе въ одесскомъ училищѣ привлекаетъ сюда желающихъ учиться не только изъ другихъ городовъ, по даже изъ заграницы“.

Такое гуманное и покровительственное отношеніе высшей администраціи края къ одесскому еврейскому училищу не могло не способствовать поднятію престижа этого заведенія и распространенію славы о немъ далеко за предѣлами Одессы. Неудивительно, что акты разсмотрѣннаго нами архивнаго дѣла заканчиваются просьбою кіевскаго военнаго, подольскаго и волынскаго генераль-губернатора генералъ-адъютанта графа Левашева, обращенной 19 апреля 1835 года къ гр. Воронцову, объ „одолженіи сообщеніемъ копіи“ въ виду встрѣтившейся надобности „имѣть въ соображеніе уставъ или положеніе существующаго въ городѣ Одессѣ еврейскаго училища“. Изъ резолюціи гр. Воронцова видно, что

гр. Левашеву была выслана „кошія съ приговора одесского еврейского общества и плана еврейского училища”, и надо полагать, что свѣдѣнія объ организаціи этого заведенія принесли впослѣдствіи не мало пользы при сужденіяхъ объ устройствѣ специальныхъ еврейскихъ училищъ, составлявшихъ въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ предметъ особыхъ заботъ правительства.

Проектъ образцовой еврейской колоніи.

Новороссійскому краю суждено было, какъ известно, сыграть весьма видную роль въ жизни еврейскихъ колоній, учрежденіе которыхъ почти съ начала девятнадцатого столѣтія составляло предметъ особаго попеченія со стороны правительства, рѣшившаго образовать среди евреевъ преобладающей классъ земледѣльцевъ, снискивающихъ свое пропитаніе честнымъ личнымъ трудомъ. Еще Положеніемъ 1804 года евреямъ былъ открытъ доступъ къ землю въ смыслѣ разрѣшенія приобрѣтать въ собственность незасѣянныя земли и арендовать помѣщиць имѣнія во всѣхъ мѣстечкахъ, входящихъ въ отведенную имъ черту осѣдлости, а также въ нѣкоторыхъ окраинахъ, какъ Кавказъ и Астраханская губернія. То-же Положеніе предоставляло бѣднымъ евреямъ селиться на свободныхъ казенныхъ земляхъ съ правомъ полученія на первое обзаведеніе долгосрочной и постепенно погашаемой въ теченіе двадцати лѣтъ ссуды, при чёмъ поселенцы эти, равно и арендаторы частныхъ земельныхъ участковъ, могли пользоваться, въ видахъ поощренія, различными льготами, среди которыхъ освобожденіе отъ рекрутской повинности занимало, конечно, первенствующее мѣсто.

До сороковыхъ годовъ дѣло еврейской колонизаціи подвигалось чрезвычайно туго, не выходя изъ области благихъ правительственный предначертаній и слабыхъ попытокъ къ ихъ практике.

тическому осуществлению. Главный контингент поселенцевъ должны были поставлять съверо и юго-западныя губерніи, гдѣ, благодаря своей скученности и преимущественному занятію мелкой торговлей, еврейская масса влачить самое жалкое существованіе. Но помимо непривычности къ тяжелому и совершенно новому труду, потребовавшему, при томъ, ломки всего хозяйственнаго строя, евреевъ пугалъ немало вопросъ о необходимости переселиться въ невѣдомыя мѣста и подвергаться всѣмъ лишеніямъ и невзгодамъ, со прѣженнымъ съ передвиженіемъ на болѣе или менѣе значительное разстояніе. И вотъ посыпались ходатайства со стороны евреевъ, рѣшившихся заниматься земледѣліемъ, о предоставлениі имъ казенныхъ участковъ въ мѣстѣ ихъ жительства. Такихъ свободныхъ земель въ чертѣ осѣдлости не оказалось, и этимъ объясняется неудача, постигшая на первыхъ порахъ поборниковъ мысли объ основаніи еврейскихъ колоній. Въ обширномъ и прекрасномъ трудѣ В. Н. Никитина, посвященномъ исторіи еврейскихъ земледѣльческихъ колоній въ Россіи, приводятся текстуально неудовлетворенная прошенія минскихъ и гродненскихъ евреевъ объ отводѣ имъ земель въ этихъ губерніяхъ. При такихъ условіяхъ, колонизація евреевъ была исключительно направлена въ Новороссійскій край. Но и тутъ встрѣчались огромныя затрудненія, единственно вызванныя недостаткомъ свободныхъ земель. Въ книгѣ В. Н. Никитина мы находимъ одинъ любопытный фактъ о печальной судьбѣ прибывшихъ въ 1847 году въ Одессу изъ разныхъ мѣстъ 250 еврейскихъ семействъ, въ числѣ 2000 душъ, ходатайствовавшихъ объ отводѣ имъ земли въ херсонской или таврической губерніи для образованія самостоятельной колоніи. Не смотря на полное сочувствие высшей администраціи края, еле удалось зачислить въ земледѣльцы самую незначительную часть этой группы, окончательно распавшейся послѣ трехлѣтнихъ безплодныхъ домогательствъ.

Такая же участь постигла проектъ предполагавшейся къ открытію въ Бессарабіи образцовой еврейской колоніи, задачамъ и устройству которой посвящено специально трактующее о ней дѣло,

хранящееся въ архивѣ бывшаго Новороссійскаго генераль-губернаторства.

Проектъ этотъ былъ выработанъ тремя образованными евреями, кременчугскимъ 1-й гильдіи купеческимъ сыномъ Давидомъ Зеленскимъ, павлоградскимъ 3-й гильдіи купеческимъ сыномъ Іо-сифомъ Рабиновичемъ и уманскимъ мѣщаниномъ Яковомъ Гольденвейзеромъ, обратившимися 30 ноября 1840 года къ графу М. С. Воронцову съ ходатайствомъ объ оказаніи имъ содѣйствія къ осуществленію задуманного ими плана, соотвѣтствующаго видамъ правительства и направленного къ устраниенію тѣхъ условій, которые въ то время успѣли уже въ значительной степени затормозить успѣшное развитіе еврейской колонизаціи. „Зная, что ваше сіятельство — говорится въ этомъ ходатайствѣ — принимаете участіе во всемъ касающемся до блага человѣчества и въ особенности когда мѣсто, выбранное нами для поселенія, находится подъ защитою вашей, мы осмѣлились прибѣгнуть къ вашему сіятельству и просить представительства вашего у Трона объ исполненіи нашего желанія. Важность этого предпріятія, обѣщающаго многія пользы и отечеству и единовѣрцамъ нашимъ, подаетъ намъ надежду, что ваше сіятельство съ сроднымъ вами великодушіемъ приметесь за исполненіе этого дѣла и ходатайствомъ своимъ доставите изгнанникамъ изъ своей земли хоть подъ чужимъ небомъ обѣтованную землю, гдѣ бы могли они въ довольствѣ и трудахъ молить Бога за благоденствіе Монарха своего и знаменитаго ихъ заступника. И въ ознаменованіе вѣчной признательности нашей, да позволено намъ будеть эту колонію наименовать Михаилъ-едорфомъ. Пусть она, нося дражайшее имя высокого своего ходатая, сохранить для потомства одно изъ блестящихъ дѣяній вашего сіятельства“.

При этомъ прошеніи были приложены программа и планъ проектируемой колоніи.

Программа относится собственно къ побужденіямъ просите-
лей, рисующихъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ незавидное полож-

женіе первыхъ еврейскихъ колоній и усматривающихъ причину неудачи, съ одной стороны, въ отдаленности этихъ колоній отъ черты еврейской осѣдлости, а съ другой—въ плохомъ и неразборчивомъ рекрутированіи кадровъ поселенцевъ, изъ которыхъ многіе лишь для удовольствія взялись за земледѣльческій трудъ съ цѣлью воспользоваться предоставленными правительствомъ евреямъ-колонистамъ льготами. Такое признаніе въ устахъ самихъ евреевъ бросаетъ яркій свѣтъ на вопросъ о пригодности русско-еврейского населенія къ земледѣльческому труду,—вопросъ, какъ известно, вполнѣ еще неразрѣшенній, — и съ этой точки зренія рассматриваемый нами документъ приобрѣтаетъ особое значеніе.

„Еще въ царствованіе Александра Благословленнаго—говорится въ заключительной части программы — состоялся человѣколюбивый планъ приведенія въ земледѣльческое состояніе нѣкоторой части евреевъ, подвѣдомствованныхъ Россійской Имперіи. Цѣль этого отечественаго помысла была во всѣхъ отношеніяхъ полезна нашимъ соплеменникамъ: тысячи рукъ почти праздныхъ спискивали бы себѣ честное и безбѣдное пропитаніе трудомъ похвальнымъ, остальнымъ же ремесла и торговля могли принести если не избытокъ, то по крайности достаточное пропитаніе. Нужно было только начало, а тамъ они, увидѣвшіи своихъ собратьевъ довольными своимъ земледѣльческимъ состояніемъ, мало по малу стали бы отвыкать отъ унизительного барышничества; устроилось бы равновѣсіе, и хлѣбопашество постепенно стало бы имѣть больше почитателей между евреями. И для этого благодѣтельное правительство дѣлало большія пожертвованія. Но евреи, почти 19 столѣтій не занимавшись воздѣлываніемъ земли, отвыкли даже отъ мысли объ этомъ занятіи, къ которому утратили свое довѣріе. Привыкшіе къ мелкому торгаществу, приносящему иногда скорые и существенные плоды, къ тому-же закоренѣлые въ предразсудкахъ, они не примѣтили полезной стороны этой цѣли. И такъ правительство, въ самомъ началѣ приведенія этого плана въ исполненіе, съ прискорбиемъ увидѣло несбыточность своихъ надеждъ“.

Останавливаясь далѣе на нецѣлесообразномъ устройствѣ первыхъ колоній, заселенныхъ, главнымъ образомъ, рѣшительно ни къ чему иному неуспѣвшими приспособиться евреями изъ жителей бѣлорусскихъ губерній и остзейскаго края, которыхъ одно лишь „отчаяніе“ и обѣщанныя „льготы“ толкнули на тернистый путь пахаря, авторы программы указываютъ на то, что земледѣльческій трудъ можетъ успешно привиться только среди тѣхъ евреевъ, которые по развитію и интеллигентности своей стоять выше невѣжественной массы и которымъ благодѣянія правительства, выраженные, при томъ, не въ материальной поддержкѣ или улучшеннѣ правового положенія, а только въ нравственномъ сочувствіи и поощреніи, принесутъ огромную пользу въ смыслѣ радикального измѣненія ихъ жизненного строя въ соціальномъ и духовномъ отношеніи. „Это-то и побудило насъ—заканчиваючи инициаторы свое посланіе—къ составленію образцовой еврейской колоніи. Пройзвѣдя обороты собственными капиталами и не подверженныя ректской повинности, мы не изъ какого другого побужденія желаемъ вступить въ сословіе земледѣльцевъ, какъ только изъ одной любви къ трудолюбивой и спокойной жизни. Доброжелатели нашимъ единовѣрцамъ и патріоты по чувству и образованію, которымъ мы имѣемъ счастье пользоваться въ нашемъ отечествѣ, мы изъ признательности къ нему желаемъ быть орудiemъ правительства и доказать всѣмъ остальному еврѣямъ, что трудъ и терпѣніе все пре-возмогутъ. Видя неусыпное стараніе правительства объ исполненіи этого плана и зная настоящія причины всѣхъ неудачныхъ попытокъ, мы рѣшились способствовать желанію нашего Государя и, жертвуя всѣми привилегіями, которымъ подвержены въ кругу нашемъ, мы вступаемъ въ земледѣльцы по изложенному нами плану. Будучи довольны всѣми привилегіями, Положеніемъ о евреяхъ давніми еврѣямъ-земледѣльцамъ, мы, не смѣя просить лишняго отъ правительства, желаемъ только купить отъ казны такой участокъ земли, который соотвѣтствовалъ бы нашимъ желаніямъ и быль быгодень ко всѣмъ занятіямъ, въ нашемъ планѣ изложеннымъ“.

Обращаясь къ плану, представляющему собою довольно объемистую тетрадь и состоящему изъ 38 параграфовъ, детально опредѣляющихъ права и обязанности членовъ проектируемой колоніи, мы приведемъ изъ него *in extenso* все то, что даетъ понятіе о намѣреніяхъ и стремленіяхъ инициаторовъ симпатичнаго дѣла. Въ § 1 говорится, что „общество, предполагающее составить образцовую еврейскую колонію, имѣть цѣлью, для возбужденія соревнованія въ прочихъ евреяхъ къ земледѣлію, не упускать изъ виду отраслей сельского хозяйства, относящихся собственно до хлѣбопашства, скотоводства, садоводства и огородничества, такъ равно и отдельныхъ частей сельского хозяйства, какъ-то: овцеводство, пчеловодство, конскіе заводы, шелководство и винодѣліе, для чего и преполагается купить у казны 5000 десятинъ земли въ Бессарабіи“. Число первыхъ поселенцевъ было ограничено 50 семействами, изъ коихъ каждое должно было обладать суммою не менѣе 450 р. на расходы по переселенію и первоначальному обзаведенію и принять на себя обязанность выплачивать въ теченіе 20 лѣтъ по разверсткѣ стоимость отведенаго ему участка. Помимо требованія отъ колонистовъ, принимаемыхъ только по выбору инициаторовъ, гражданской благонадежности, планъ устанавливается для нѣкоторыхъ изъ нихъ нѣчто въ родѣ образовательного ценза, мотивируя это условіе тѣмъ, что „невѣжество и предразсудки, вредные въ общественномъ быту, изгоняются вовсе изъ этого общества, а потому каждое семейство должно имѣть одного члена образованнаго хоть до средней степени и знающаго какой-нибудь европейскій языкъ“.

Управлѣніе дѣлами колоніи планъ ввѣряетъ особому выборному управлѣнію, именуемому „ратгаузомъ“ и состоящему изъ бургомистра и его помощника, раввина и казначея. Эти лица, являясь представителями колоніи передъ правительствомъ и дѣйствующими во всемъ подъ непосредственнымъ надзоромъ и контролемъ начальства, обязаны вмѣстѣ съ тѣмъ ежегодно давать подробные отчеты общинѣ. Въ планѣ выражено также ходатайство о неназначеніи туда

особаго правительственнаго смотрителя, имъя въ виду, что „составленіе сей колоніи производится людьми, ничѣмъ къ избранію земледѣльческаго состоянія непонужденными“ и что „следственно, они, имъя цѣлью одно трудолюбіе и отличеніе себя отъ прочихъ еврейскихъ колонистовъ, не радѣющихъ о своемъ благополучіи, не имѣютъ надобности въ настоящателяхъ со стороны правительства“. Функции раввина, для которого знаніе русскаго языка обязательно, заключается также въ произнесеніи въ синагогѣ проповѣдей „какъ обѣ обязанностяхъ вѣры, такъ и о любви къ отечеству, преданности престолу, миролюбіи и братствѣ“. Общественные суммы должны быть употребляемы на постройку зданій для ратгауза, синагоги, училища, бани, богадѣльни и запасныхъ магазиновъ, на приобрѣтеніе пожарныхъ инструментовъ и на содержаніе раввина и врача.

Порядку веденія колонистами хозяйства посвящена самая значительная часть плана. Во главѣ колоніи долженъ стоять специально нанимаемый опытный агрономъ для руководства и усовершенствованія колонистовъ во всѣхъ отрасляхъ сельскаго хозяйства. Личный трудъ для колонистовъ обязателенъ, и по этой причинѣ права послѣднихъ на отлучку по выдаваемымъ ратгаузомъ паспортамъ ограничиваются лишь слѣдующими условіями: необходимости изученія нужнаго въ сельскомъ быту ремесла или усовершенствованія въ наукахъ, поѣздкою въ ближайшія мѣстности для продажи сельскихъ продуктовъ и закупки материаловъ, а также болѣе продолжительной командировкой для полученія наслѣдства или окончанія тяжебныхъ дѣлъ. Тутъ-же, однако, упоминается и о томъ, что *излишняя роскошь*, подъ которой подразумѣвается „для мужчинъ — шелковая одежда и дорогія мѣховые шапки, а для женщинъ — жемчужныя повязки и золотомъ шитыя платья“ безнравственность и суетливичество, неперпимыя въ колоніи, должны искореняться увѣщаніями членовъ ратгауза. Каждый колонистъ обязанъ ежегодно къ определенному сроку доставить подробный отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ ратгаузу, который на осно-

ванії этихъ свѣдѣній составляеть для начальства статистическая записки.

Вопросу о воспитаніи юношества отведено въ планѣ также не мало мѣста. Обученіе дѣтей обязательно для всѣхъ колонистовъ. Училище учреждается для мальчиковъ и девочекъ по довольно обширной программѣ, въ которую входитъ преподаваніе закона Божія и еврейскаго языка, русскаго языка, ариѳметики, общей и русской исторіи и географіи. Ученіе должно происходить поочередно такимъ образомъ, чтобы дѣти раздѣленныя на двѣ смѣны, посещали школу въ теченіи трехъ дней въ недѣлю, а остальные три дня помогали своимъ родителямъ въ полевыхъ и разныхъ другихъ сельскихъ работахъ. Тотчасъ-же по возвращеніи всѣхъ 50 семействъ, приговоромъ всѣхъ участниковъ выбираются два мальчика и посылаются на общественный счетъ въ горогорѣцкую земледѣльческую школу съ тѣмъ, чтобы по окончаніи курса они служили при колоніи въ качествѣ агрономовъ за опредѣленное содержаніе. Такимъ же порядкомъ выбираются также нѣсколько мальчиковъ, обучаемыхъ всѣмъ нужнымъ ремесламъ для того, чтобы впослѣдствіи колонія не нуждалась въ необходимыхъ для сельскаго обихода кузнцахъ, печникахъ, портныхъ, сапожникахъ и проч. Планъ предусматриваетъ, между прочимъ, и специальное усовершенствованіе въ выходящихъ изъ сельскихъ сферъ отрасляхъ знанія и разрѣшаеть колонистамъ воспитывать способныхъ дѣтей своихъ на личныя средства родителей въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Проектъ и планъ учредителей образцовой еврейской колоніи обратилъ на себя сразу вниманіе графа М. С. Воронцова, сейчасъ-же поспѣшившаго въ предложеніи своемъ отъ 7-го декабря 1840 года истребовать заключенія по сemu предмету бессарабскаго военнаго губернатора. Но изъ послѣдовавшаго 3-го марта 1841 года отзыва управлявшаго тогда бессарабской областью и измаильскимъ градоначальствомъ ген.-лейтенанта Єedorова видно, что свободныхъ для продажи евреямъ 5000 десятинъ земли въ

Бессарабії нѣтъ. Но и генераль-лейтенантъ Федоровъ сочувствовалъ образованію еврейской колоніи на началахъ самопомощи. Это подтверждается тѣмъ мѣстомъ въ его отзывѣ, которое относится къ запросу, сдѣланному имъ палатѣ государственныхъ имуществъ относительно точнаго указанія близости земельного участка къ пограничной чертѣ. Запросъ этотъ свидѣтельствуетъ о желаніи генераль-лейтенанта Федорова осуществить мысль учредителей въ предѣлахъ существующихъ о евреяхъ узаконеній. Къ сожалѣнію, нигдѣ въ Бессарабії соотвѣтствующаго участка не оказалось, и на этомъ основаніи учредители были извѣщены о томъ, что графъ Воронцовъ при такихъ условіяхъ не находить „средствъ предпринять что либо въ пользу предложения просителей“.

Такова судьба проекта, которому иниціаторы и высшая администрація придавали огромное значеніе и осуществленіе котораго могло бы, несомнѣнно, вызвать большой переворотъ въ жизни русскихъ евреевъ.

Р а в в и н а тъ.

Царствованіе императора Николая I представляетъ собою, какъ извѣстно, самую блестящую эпоху въ исторіи просвѣщенія русскихъ евреевъ. Цѣлымъ рядомъ законодательныхъ мѣръ, осуществленіе которыхъ потребовало, независимо отъ огромныхъ затратъ, не мало усилий и заботъ со стороны мѣстныхъ властей, близко стоявшихъ къ чертѣ еврейской осѣдлости, правительство стремилось не только къ распространенію знанія среди еврейского населенія въ смыслѣ учрежденія для него специальныхъ учебныхъ заведеній, но и къ духовному его обновленію путемъ борьбы съ особенно рѣзко проявлявшейся въ сороковыхъ годахъ еврейской замкнутостью и привлеченія къ участію въ просвѣтительныхъ работахъ государства лучшихъ представителей еврейского народа.

На почвѣ этихъ стремленій и возникла мысль о реорганизаціи еврейского раввината, и вопросу этому посвящено хранящееся въ архивѣ бывшаго Новороссійскаго генералъ-губернатора дѣло „объ учрежденіи въ Одесѣ комитета къ составленію проекта Положенія для губернскихъ раввиновъ и при нихъ духовныхъ правленій“. Труды одесскаго комитета и собранные послѣднимъ материалы имѣютъ довольно существенное значеніе, такъ какъ они бросаютъ яркій свѣтъ какъ на происхожденіе 302 ст. улож. о наказ., карающей частныхъ лицъ, неутвержденныхъ правительствомъ въ должностяхъ раввиновъ и ихъ помощниковъ, за исполненіе религіозныхъ требъ, такъ и на характеръ новелъ, внесенныхъ въ 1860 году въ уставъ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій.

17 мая 1840 года ген.-адъют. Перовскій, управлявшій въ то время министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, сообщилъ Новороссійскому генералъ-губернатору графу М. С. Воронцову о послѣдовавшемъ Высочайшемъ повелѣніи относительно сформированія въ городахъ Одесѣ, Кіевѣ, Вильнѣ, Витебскѣ, Полтавѣ и Митавѣ комитетовъ изъ губернскихъ чиновниковъ и образованныхъ благонадежныхъ евреевъ для начертанія проекта учрежденія губернскихъ раввиновъ и духовныхъ при нихъ правленій. Сообщеніе это, равно какъ и приложенная при немъ инструкція для дѣйствій комитетовъ, обнаруживаетъ съ полной ясностью взглядъ правительства на задачи раввината, какъ органа надзора за духовной жизнью евреевъ, съ одной стороны, а съ другой — какъ представителя еврейской массы предъ государственной властью и постоянного ходатая о нуждахъ ея. Указывая на поступившія въ министерство предположенія „объ усиленіи мѣръ противъ евреевъ и, между прочимъ, объ учрежденіи губернскихъ раввиновъ и при нихъ духовныхъ правленій съ той цѣлью, чтобы посредствомъ сихъ раввиновъ губернское начальство могло съ большей удобностью наблюдать за дѣйствіями раввиновъ уѣздныхъ, и чтобы возвысить по возможности самую религію евреевъ“, и останавливаясь на необходимости бороться съ существующимъ у евреевъ

„тайнымъ судомъ“, состоящимъ изъ раввиновъ-самозванцевъ, путемъ установления для нихъ особенно строгихъ карательныхъ мѣръ, какъ отдача въ рекруты или ссылка въ Сибирь на поселеніе, — ген.-адъют. Перовскій отмѣчаетъ, что главная цѣль вызываемаго къ жизни института заключается въ томъ, чтобы начальники губерній могли „узнавать и предупреждать всѣ злоупотребленія раввиновъ уѣздныхъ, и дабы правительство сей постепенностью еврейского чинонаачалія могло найти средства возвысить упадшую и обезображенную ихъ религію до возможной чистоты ученія“. „Губернскіе раввины,—говорится далѣе въ сообщеніи ген.-адъют. Перовскаго,— наблюдая за поступками и дѣйствіями раввиновъ уѣздныхъ въ совершеніи обрядовъ, въ объясненіи евреямъ ихъ закона, а также обращая вниманіе и на самыя употребляемыя между евреями книги для молитвы и для изученія религіозныхъ понятій, ближе могутъ постигать какъ способности уѣздныхъ раввиновъ, такъ и злоупотребленіе ихъ и самое направленіе еврейскихъ понятій о религіи. Такимъ образомъ, извлекая изъ своихъ наблюденій замѣчанія, губернскіе раввины могутъ сообщать ихъ лично, а въ необходимыхъ случаяхъ подъ соображеніемъ тайны, начальникамъ губерній для принятія нужныхъ мѣръ къ пресѣченію злоупотребленія, къ улучшенію нравственности евреевъ и къ искорененію всего таинственно-зловреднаго въ книгахъ и молитвахъ“. Къ обязанности губернскихъ раввиновъ относятся разъѣзы по всѣмъ подвѣдомственнымъ уѣздамъ, подробная ревизія дѣйствій уѣздныхъ раввиновъ и имъ уѣздамъ, выдача какъ имъ, такъ и членамъ синагогъ и молитвенныхъ школъ удостовѣреній о благонадежности, а также цензура духовныхъ книгъ. Подъ руководствомъ подобныхъ раввиновъ должны функционировать почти во всѣхъ губернскихъ городахъ, входящихъ въ черту еврейской осѣдлости, духовныя правленія, состоящія изъ почетнѣйшихъ и благонадежнѣйшихъ евреевъ, вѣдающія бракоразводныя дѣла и разбирающія всѣ споры и жалобы на беспорядки при совершенніи обрядовъ. Въ инструкціи предлагается учрежденіемъ комитетамъ, на ряду съ детальной разработкой условій су-

ществованія и круга дѣйствій губернскихъ раввиновъ, указывать также желательныхъ кандидатовъ для того, чтобы сіи мѣста были занимаемы людьми во всѣхъ отношеніяхъ благонадежными, вполнѣ соответствующими видамъ правительства. Инструкція предусматриваетъ въ общихъ чертахъ организацію духовныхъ правленій и, допуская возможность употребленія членами послѣднихъ еврейскаго жаргона, требуетъ, однако, отъ комитета выбора образованныхъ и знакомыхъ съ русской рѣчью евреевъ для того, чтобы по возможности дѣлопроизводство въ этихъ правленіяхъ велось исключительно на отечественномъ языке. Главнымъ же образомъ инструкція рекомендуетъ комитетамъ дѣйствовать съ особой осмотрительностью и осторожностью и „имѣть непрестанно въ виду, что цѣль настоящей мѣры правительства въ отношеніи евреевъ состоять въ томъ, чтобы устройствомъ для управлениія духовными ихъ дѣлами особыхъ вѣдомствъ, снабженныхъ благонадежными, соответствующими видамъ правительства людьми, постепенно очистить сей народъ отъ ложныхъ внушеній и превратныхъ толковъ о религіи, исправить черезъ то ихъ нравственность, направить къ истинному просвѣщенію, истребить въ нихъ фанатическую ненависть къ христіанамъ и, сближая такимъ образомъ евреевъ съ прочимъ народонаселеніемъ, обратить къ ремесламъ и земледѣлію, дабы сдѣлать и изъ нихъ полезныхъ отечеству гражданъ и искоренить совершенно вредъ, который причиняется евреями господствующему населенію южнаго и западнаго края Россіи“.

Послѣ необходимой переписки съ начальниками херсонской, таврической и екатеринославской губерній и бессарабской области, а также съ одесскимъ военнымъ губернаторомъ, относительно назначенія своихъ представителей для участія въ дѣлахъ комитета, послѣдній былъ сформированъ въ Одессѣ къ 1 августа 1840 года, когда и состоялось первое засѣданіе, въ которомъ участвовали, кромѣ откомандированныхъ для этой цѣли упомянутыми губернаторами чиновниковъ, и А. А. Скальковскій, принявший на себя обязанности дѣлопроизводителя, а также делегаты одес-

ской еврейской общины въ лицъ директора училища Базиліуса Штерна и мѣстныхъ негоціантовъ Хайма Эфруси и Моисея Лихтенштадта.

Учрежденіе комитетовъ было встрѣчено среди еврейского населенія съ двоякимъ чувствомъ. Съ одной стороны, созданіе духовной іерархіи вызвало неподдѣльную радость среди ревнителей просвѣщенія, которыхъ въ то время было, однако, очень мало даже среди болѣе культурныхъ євреевъ Новороссійскаго края. Эти поборники прогресса, къ числу которыхъ принадлежали известный еврейскій ученый И. Б. Левинсонъ и упоминаемый ниже авторъ сочиненія „Свѣтъ въ свѣтѣ“, открыто даже высказывали заботливому правительству въ своихъ печатныхъ произведеніяхъ „спасибо сердечное“ и восторгались всѣми мѣрами и предложеніями, въ основу которыхъ легло постепенное введеніе реформъ въ общественную и духовную жизнь євреевъ. Съ другой стороны, это новое мѣропріятіе сильно не понравилось фанатикамъ, составлявшимъ во всѣхъ городахъ сѣверо и юго-западнаго края подавляющее большинство и принимавшимъ даже нѣкоторыя мѣры къ парализованію дѣятельности комитетовъ. Объ этихъ параллельныхъ и діаметрально противоположныхъ теченіяхъ свидѣтельствуютъ слѣдующіе два документа. Херсонская еврейская община заинтересовалась трудами одесского комитета и по собственной инициативѣ послѣдила избрать изъ своей среды въ качествѣ депутата купца Моисея Варшавскаго, который въ особомъ письмѣ отъ 27 сентября 1840 года на имя исправлявшаго должность Новороссійскаго генераль-губернатора генераль-лейтенанта П. Н. Федорова ходатайствовалъ о разрѣшеніи ему, въ виду его семейныхъ дѣль и годовыхъ праздниковъ, прибыть въ Одессу лишь къ 9 ноября. Посылка херсонской еврейской общиной своего delegata служить несомнѣннымъ доказательствомъ ея сочувствія цѣлямъ комитета и представляется тѣмъ болѣе похвальной, что, какъ видно изъ отзыва генераль-лейтенанта Федорова, посланного херсонскому губернатору для извѣщенія Варшавскаго, депутаты въ комитетъ вовсе

не приглашались. Благой починъ херсонскаго еврейскаго населенія остался, однажъ, безъ подражанія со стороны евреевъ другихъ городовъ, которые, напротивъ, пытались даже противодѣйствовать намѣреніямъ правительства. „Генераль-адъютантъ графъ Бенкендорфъ—пишетъ 15 октября 1840 года ген.-адъют. Перовскій въ секретномъ отношеніи на имя графа М. С. Воронцова—сообщилъ мнѣ секретно полученные имъ свѣдѣнія, что прибывшій изъ мѣстечка Воложина, Минской губерніи, въ Вильну раввинъ Ицка предлагалъ нѣкоторымъ евреямъ собрать деньги для подкупа членовъ комитета, учрежденного для составленія проекта Положенія о губернскихъ раввинахъ и при нихъ духовныхъ правленій, чтобы со стороны тѣхъ членовъ не было дѣлаемо предположеній о измѣненіи нынѣ существующаго порядка, и что раввинъ Ицка располагалъ вслѣдъ за тѣмъ для подобнаго же дѣйствія отправиться въ Минскъ. Къ сemu присовокуплены мысли о небезполезности, еслибъ еврейскіе комитеты приняли въ соображеніе новое благона-мѣренное сочиненіе минскаго еврея Соломона „Свѣтъ въ свѣтѣ“. О таковыхъ сообщенныхъ мнѣ свѣдѣніяхъ я считаю долгомъ поставить въ извѣстность ваше сіятельство по наблюденію вашему за еврейскимъ комитетомъ, учрежденнымъ въ Одессѣ, такъ какъ подобная предосудительная со стороны евреевъ дѣйствія могутъ случиться и во ввѣренномъ управлению вашему краѣ и потребовать для предупрежденія оныхъ зависящихъ отъ усмотрѣнія вашего распоряженій“. Къ счастью, никакихъ распоряженій въ смыслѣ борьбы съ „предосудительными дѣйствіями“ евреевъ въ Одессѣ не потребовалось, и одесскій комитетъ въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ существованія своего успѣль выработать весьма подробный про-ектъ, заключавшій въ себѣ свыше 200 параграфовъ и обратив-шій на себя обоснованностью своей особое вниманіе какъ высшей администраціи, такъ и министерства внутреннихъ дѣлъ.

Сущность проекта одесского комитета сводится къ тому, что раввины, избѣгая радикальныхъ реформъ въ области вѣры, кото-рыя могли бы только „оскорбить религіозныя чувства евреевъ,

столь твердо приверженныхъ ихъ древнимъ обычаямъ“, должны дѣйствовать мѣрами, проникающими „во всѣ части жизни єврейского общества“ и способствующими мало по малу „къ искорененію всего вреднаго и водворенію всего полезнаго“. На этомъ основаніи проектъ, высказываясь за необходимость поднятія престижа раввиновъ путемъ предоставлениія имъ всѣхъ правъ, которыми пользуются представители иностранныхъ христіанскихъ исповѣданій, подчиняетъ єврейскому духовенству „не только всѣ части богослуженія и обрядовъ вѣры въ обширнѣйшемъ противу прежняго объемъ, но даже религіозное воспитаніе юношества и направленіе евреевъ къ гражданскому благоустройству“. Слѣдуетъ замѣтить, что комитету, а особенно єврѣскимъ членамъ его, настолько понравилась мысль объ установлениіи іерархическихъ степеней въ раввинскихъ сферахъ, что они единогласно рѣшили отступить отъ правительственной инструкціи и присвоить проекту своему название „Положенія о єврейскомъ духовенствѣ“.

Представляя проектъ этотъ на усмотрѣніе графа М. С. Воронцова, одесскій военный губернаторъ генераль-маіоръ Ахлестышевъ заканчиваетъ свою подробную препроводительную записку отъ 30 ноября 1840 года слѣдующими словами: „Соглашаясь вполнѣ съ изложеннымъ здѣсь мнѣніемъ комитета, я не могу не замѣтить, что всѣ благодѣтельныя мѣры, предложенные въ проектѣ, сбыточны только тогда, когда найдены будутъ лица, могущія занять раввинскія должности, сообразно съ правилами предлагаемаго здѣсь закона. Но вашему сіятельству очень хорошо известно, что въ настоящемъ положеніи евреевъ нѣть вовсе или очень мало находится такихъ раввиновъ, которые отличались бы всѣми тѣми качествами, какія на будущее время предположены для этого званія. Для сего комитетъ, по проекту почетнаго гражданина Штерна и другихъ членовъ изъ одесскаго єврейскаго общества, присутствовавшихъ въ комитетѣ, предлагаетъ учредить въ Россіи єврейскую духовную семинарію (разумѣется, подъ строгимъ надзоромъ правительства), въ которой бы доставлялось кан-

дидатамъ раввиничества и законоучительства, кромъ нужныхъ по-
знатій въ еврейскомъ правовѣдѣніи и синагогическомъ благочиніи,
еще и другія свѣдѣнія, необходимыя для образованнаго человѣка
вообще, и преимущественно познаніе всѣхъ тѣхъ наукъ, которыя
въ цвѣтущія времена еврейскаго религіознаго образованія (именно
въ калифатахъ) составляли кругъ еврейскаго богословія. Упомя-
нутые выше члены комитета изъясняютъ готовность доставить на-
чальству всѣ свѣдѣнія, необходимыя для приведенія, равно и ука-
зать средства неотяготительныя ни для казны, ни для еврейскаго
общества для поддержанія такого полезнаго учрежденія. Представ-
ляя всѣ сіи соображенія на судъ вашего сіятельства, я не могу
умолчать о томъ усердіи и дѣятельности, съ какими комитетъ,
учрежденный въ Одессѣ подъ моимъ руководствомъ, исполнилъ
столь трудное порученіе, какъ составленіе органическаго закона о
еврейскомъ духовенствѣ. Желая по возможности вознаградить за-
слуги онаго, я осмѣливаюсь представить при семъ вашему сіятель-
ству особенную о томъ записку“.

Въ этой „особенной запискѣ“ генераль-маіоръ Ахлестышевъ,
опредѣляя въ общихъ чертахъ степень участія въ трудахъ коми-
тета представителей административной власти—совѣтника херсон-
скаго губернскаго правленія *Штенко*, бессарабскаго областного
стряпчаго *Зайковскаго*, засѣдателя екатеринославской гражданской
палаты *Добрянскаго*, чиновника особыхъ порученій при таври-
ческомъ гражданскомъ губернаторѣ *Бурачка*, а также одесскихъ
купцовъ *Эфруси* и *Лихтенштадта*, и ходатайствуя предъ гр.
Воронцовымъ объ испрошеніи для первыхъ пяти членовъ комитета
Высочайшаго благоволенія, а для послѣдняго золотой медали на
Анненской лентѣ для ношенія на шеѣ, останавливается подробно
на дѣятельности почетнаго гражданина Базиліуса *Штерна* и над-
ворнаго совѣтника *Скальковскаго*, какъ главныхъ производите-
лей дѣлъ комитета и редакторовъ самого проекта закона, заслу-
живающихъ особенного вниманія начальства. „Для исполненія дан-
наго имъ порученія—пишетъ генераль-маіоръ Ахлестышевъ—по-

требовались, кромъ усердія къ службѣ и трудолюбія, еще весьма обширныя свѣдѣнія въ исторіи и законодательствѣ вообще, и въ особенности еврейскаго народа, и кромъ того оба эти чиновника занимались Высочайше порученнымъ комитету дѣломъ, не оставляя другихъ занятій своихъ: первый по должности директора одесского еврейскаго училища, а другой—по должности секретаря здѣшняго отдѣленія коммерческаго совѣта и биржи. Вслѣдствіе сего военный губернаторъ полагаетъ испросить Штерну у Всемилостивѣйшаго Монарха почетное гражданство потомственное, т. е. съ сыномъ, внукомъ и другихъ нисходящими потомками, а Скальковскому—приличное награжденіе по собственному усмотрѣнію вашего сиятельства“.

Графъ М. С. Воронцовъ присоединился совершенно къ докладу генералъ-маиора Ахлестышева, признавъ необходимымъ въ донесеніи своеемъ отъ 23 декабря 1840 года на имя министра внутреннихъ дѣлъ ходатайствовать какъ объ удостоеніи членовъ комитета соотвѣтствующими наградами, такъ и объ учрежденіи духовной семинаріи для воспитанія образованныхъ раввиновъ. „Обращаясь—пишетъ графъ М. С. Воронцовъ въ своемъ донесеніи—къ прилагаемому здѣсь проекту Положенія о еврейскомъ духовенствѣ, который разсмотрѣнъ мною внимательно, я долженъ отдать полную справедливость тѣмъ соображеніямъ, которыми руководствовался комитетъ при начертаніи проекта, и нахожу, что три только параграфа, именно 32, 52 и 106, требуютъ нѣкотораго измѣненія и пополненія. Въ § 32 назначается опредѣлительное наказаніе лицамъ, которые будутъ совершать религіозные обряды, не получивъ на то формального позволенія отъ мѣстнаго раввина, а въ § 52 налагается также опредѣлительная pena и съ раввиновъ за нарушеніе своихъ обязанностей. Но я полагаю, что всѣ лица сіи должны подвергаться наказанію не иначе, какъ по приговору судебнаго мѣста. Въ § 106 нужно дополнить, что одесскій уѣздный раввинъ будетъ жить въ Одессѣ независимо отъ мѣстнаго одесскаго раввина, которому представляются права губернскаго

раввина. Да сверхъ того нужно совершенно исключить § 175 проекта Положенія, ибо въ ономъ говорится, что обиды, причиненные лично раввину, предъ закономъ равняются обидамъ, причиненнымъ лицамъ, состоящимъ въ государственной службѣ, а обиды, сдѣланныя состоящимъ въ службѣ лицамъ, судятся на томъ же основаніи, какъ и обиды, нанесенная неслужащимъ, исключая особыхъ случаевъ, когда оскорблени€ панесено чиновнику при отправлении имъ своей должности“.

Съ отсылкою проекта въ Петербургъ комитетъ прекратилъ, конечно, свое существованіе, но переписка по вопросу о возмѣщении изъ остатковъ коробочныхъ сборовъ расходовъ казны по содержанию откомандированныхъ изъ губерній членовъ комитета— продолжалась вплоть до 1848 года. Между прочимъ, екатеринославское еврейское общество возбудило любопытный вопросъ о соизрѣвномъ распределеніи издержекъ по комитету между всѣми еврейскими общинами, входящими въ составъ екатеринославской губерніи. Въ жалобѣ своей на имя графа М. С. Воронцова екатеринославскіе евреи указываютъ на то, что въ Высочайшемъ повелѣніи, на основаніи котораго былъ учрежденъ комитетъ, говорится лишь объ отнесеніи издержекъ на проѣздъ и содержаніе членовъ комитета на счетъ остатковъ коробочныхъ сборовъ, безъ упоминанія, однакожъ, о томъ, что въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ исключительно о коробочныхъ сборахъ однихъ губернскихъ городовъ. Жалоба эта была признана подлежащей удовлетворенію.

Приведенные нами данные показываютъ, что труды одесского комитета принесли существенную пользу при разрѣшеніи вопроса о реорганизаціи раввината на желательныхъ правительству началахъ и что иниціативѣ этого комитета обязаны своимъ возникновеніемъ, восемь лѣтъ спустя, въ Вильнѣ и Житомирѣ раввинскія училища, не бѣзъ основанія считавшіяся долгое время разсадниками просвѣщенія среди русскихъ евреевъ.